

Доктор медицины, монсеньер Жак Судо. Эвтаназия

Введение

"Эвтаназией называется всякое действие, направленное на то, чтобы положить конец жизни той или иной личности, идя навстречу ее собственному желанию, и выполненное незаинтересованным лицом" (определение голландского законодательства).

Открытое обсуждение проблемы эвтаназии началось несколько позже - по сравнению с проблемой аборта - но, тем не менее, уже привело к освобождению от всякой юридической ответственности того, кто провоцирует "легкую смерть". Она была узаконена инструкцией от 14 апреля 1994 года, принятой Голландским парламентом. Его примеру последовали некоторые другие законодательные органы различных стран: Соединенных Штатов Америки (в частности, штата Орегон в 1994 г.), Северной провинции Австралии (25.05.1995).

Известный врач Jack Kevorkian из США открыто признал, что, начиная с 1991 года, помог умереть более чем 50 больным, и при этом никогда не привлекался к уголовной ответственности.

Оставить умирать или помочь умереть?

Термин "эвтаназия" впервые употреблен Ф. Беконом в XVII столетии для определения "легкой смерти", и с XIX века стал означать "умертвить кого-либо из жалости". Здесь идет речь о преднамеренном убийстве с целью облегчить ненужные страдания. В таком случае, не существует более двусмысленного слова, чем "эвтаназия".

А. Собственный смысл слова

Термин "легкая смерть" использован Конгрегацией Вероучения в "Декларации об эвтаназии" от 5 мая 1980 года. Текст Декларации предупреждает всякое субъективное определение и окончательно разъясняет смысл эвтаназии: "Под словом эвтаназия подразумевается всякое действие или, наоборот, бездействие, которое, по своей сути или намерению, приводит к смерти, имеющей целью устранение боли и страдания". То есть, в ее прямом значении, эвтаназия - это преднамеренное убийство при помощи метода, провоцирующего наименьшие боль и страдания, совершенное "из жалости" для того, чтобы положить конец невыносимым страданиям, или для того, чтобы избежать трудностей жизни, которая считается "нечеловеческой", "не достойной самого человека".

Сюда не входят самоубийство или смерть в результате обезболивающей терапии, если при этом напрямую не ищут смерти.

Б. Смешение терминов

Терминологическую неразбериху нарочно спровоцировали сторонники эвтаназии различного рода заявлениями о том, что нужно понимать под этим термином, ставя на одном и том же уровне понятия "дать умереть" (негативная, или пассивная эвтаназия) и "помочь умереть" (активная, или настоящая эвтаназия). Это смешение не является безобидным; оно поддерживается преднамеренно для того, чтобы привести врачей и общественное мнение к ложной дилемме:

- или вы гуманны и способны сочувствовать ближнему, - а, значит, должны перешагнуть через недозволенное (причинить смерть);

- или вы ставите абстрактные догмы выше простого человеческого сочувствия, - а, значит, не остановитесь даже перед тем, чтобы продлить эти бессмысленные страдания, которых не вынесли бы и вы сами.

Конечно, средства массовой информации тщательно поддерживают эту сомнительную двусмысленность.

В. Когда можно говорить об эвтаназии:

- когда мы имеем дело с преднамеренным убийством. В одном случае отнимается жизнь у безнадежно, смертельно больного лица - для того, чтобы избавить его от лишних страданий, - либо при помощи прямого вмешательства (например, инъекции барбитуратов), либо "оставив

его умирать", перестав кормить больного. В другом случае лишается жизни новорожденный ребенок с тяжелыми физическими недостатками, когда его прямо убивают или обрекают на верную смерть, прекращая подачу питания и основного лечения лишь для того, чтобы не причинять новой боли его родителям. Значит, эвтаназия сама по себе ставится на уровень намерений;

- когда есть намерение положить конец жизни данного лица или ускорить его смерть;
- когда употребляется препарат, вызывающий смерть, а также, если больного лишают всего того, что ему необходимо для жизни (еда), или всего того, что для него благотворно (реанимация, которая позволила бы ему прийти в себя и самостоятельно поддерживать жизнь, или такое лечение, которое способно дать шанс на продолжение жизни в нормальных условиях).

Когда нельзя говорить об эвтаназии:

- когда стараются облегчить страдания какого-либо лица, находящегося в последней стадии тяжелой болезни, назначая ему медикаменты, которые лишь непрямым образом могут ускорить физиологический процесс умирания. В этом случае не ставят перед собой цели "помочь умереть" пациенту, но пытаются уменьшить его боль при помощи препаратов, которые лишь в качестве побочного эффекта способны ускорить приближение конца. Смерть здесь не провоцируется преднамеренно, прямым образом, но является возможным последствием обезболивающей терапии;

- когда прекращается или упускается такое лечение, которое имело бы неблагоприятное влияние на больного (напр., лечение, которое лишь продлило бы саму жизнь в нечеловеческих условиях, не облегчив состояния пациента);

- когда прекращают реанимацию, когда состояние церебральной смерти является необратимым (всякое лечение не дает уже никакого результата, не облегчает страданий, не дает никакого шанса на дальнейшее выздоровление, а только продолжает время агонии и, кроме того, приносит невыносимые страдания семье и несоразмерные расходы государству);

- когда не подвергают реанимации плохо сформированного новорожденного ребенка, или в тяжелом патологическом случае, если он естественным образом ведет к смерти (когда лишь искусственно можно продолжать жизнь, без надежды на улучшение и на возникновение способности к самостоятельному существованию);

- когда "дают спокойно умереть" больному смертельной болезнью, которая естественным образом приводит к смертельному исходу в краткий срок - в случае, когда всякая терапия позволила бы лишь на короткое время продлить жизнь в невыносимых условиях.

Дискуссия

Можно принять во внимание различные аспекты:

- относительность понятия неизлечимости;
- двузначность понятия "жалости";
- опасность "поскользнуться" на юридическом уровне;
- вопрос о существовании "права на смерть".

А. Понятие неизлечимости

Когда можно с уверенностью говорить, что больной является неизлечимым? Широко известно, насколько велика возможность ошибки, когда врачи строят свои прогнозы. К тому же понятие неизлечимости в большой степени зависит от средств и возможностей, имеющихся в данный момент их распоряжении. Все мы знаем случай с врачом, который, едва покончив со своим сыном, больным дифтерией, услышал об открытии сыворотки Roux. В действительности, большая часть врачей остаются верными своей клятве и предпочитают действовать в качестве профессионалов, а не "сочувствующих". Это наблюдается и в Голландии, где некоторые врачи даже специализируются на эвтаназии, в то время как другие отказываются прибегать к ней.

Б. Двузначность понятия "жалости"

Страдания сами по себе у многих вызывают сочувствие: убивают собаку, которая корчится от боли, приканчивают обреченного на смерть. Можно ли отказать в таком акте

милосердия? В действительности, даже некоторые убежденные католики считали своим долгом укоротить страдания ближнего. Но эта жалость уже сама по себе является двусмысленной: конечно, часто сама боль является невыносимой, но нередко она бывает еще более невыносимой для тех, кто находится рядом с больным. "Избавляя" больного от боли, они часто избавляют от страданий самих себя. Действительно ли соблюдается в таком случае свобода выбора больного? На крик о помощи отвечают смертельным ударом. Причинить смерть - означает избавить прежде всего самого себя от необходимости услышать этот зов, поскольку за словами "убей меня" кроется мольба: "раздели мою боль и помоги мне!" Чисто по-человечески всегда труднее "сопровождать" больного в его страдании, чем уничтожить его.

В. Опасность "поскользнуться" на юридическом уровне

Юристы очень чувствительны к этой опасности. Они относятся к "жалости" с гораздо большим недоверием, чем остальные граждане, поскольку под это понятие можно списать и много других вещей - например, убийство родителей из-за наследства. Юрист должен защищать каждого от безнаказанности явного преступления. Даже письменное согласие на "легкую смерть" не имеет никакой силы, поскольку может быть вырвано у человека в бессознательном или даже сознательном состоянии: часто пожилые люди чувствуют себя обузой как для собственной семьи, так и для общества, и могут под таким психологическим давлением согласиться на смерть лишь для того, чтобы "избавить от себя своих родственников". Кроме того, если смириться с эвтаназией во время агонии, то таким способом можно легко узаконить понятие "гуманного" убийства или "полезной" эвтаназии, или даже пойти на это с евгенической целью.

Г. Право на жизнь и право на смерть

Право жить по-человечески

Как раз вокруг этого момента и ведется дискуссия. Сторонники эвтаназии заявляют, что, если жизнь не будет истинно человеческой (жизнью в общении), то лучше умереть по-человечески (то есть достойно, при помощи эвтаназии). Таким способом оправдывается активная эвтаназия. Но что мы понимаем под выражением "нечеловеческая жизнь"? Вот в чем проблема. Здесь в общих чертах подразумевается "чисто растительное существование", но и это понятие очень широко и обычно игнорирует возможности выхода из этого состояния - о чем нередко пишут газеты.

Право на смерть

Если существует право на жизнь, можно ли заключить из этого и возможность такого понятия, как "право на смерть"? Это было бы внутренним противоречием для законодателя, чьим основным принципом является защита жизни. Акцент все-таки ставится на жизнь: это жизнь нужно защищать, а не смерть. Если кто-то может считать просьбу помочь покончить с жизнью морально оправданной (крик о помощи того, кто молит положить конец его страданиям), то легальным это может признать лишь закон, отрицающий сам себя. Нельзя определить отдельные исключения из правила об охране жизни, если разрушается само основание этого правила.

Право на достойную смерть

Существует право умереть достойно, по-человечески, без лишних страданий. Здесь идет речь об уважении человеческого достоинства. Но это право не освобождает от закона об охране жизни. Смерть - это часть человеческой реальности со всеми ее последствиями и унижениями. Убегать от этого - означает быть трусом. Право на достойную смерть включает также право на лечение при помощи гуманных методов: они должны быть направлены на то, чтобы облегчить страдания и уныние, помочь умереть спокойно, без ненужной и бесконечной борьбы. Такое гуманное лечение всегда заканчивается лишь естественной смертью, без искусственной ее провокации. Это значит, что прибегать к искусственным методам, которые лишь замедляют процесс умирания, нужно продуманно и в соответствии с их целесообразностью. Все должно решаться с учетом, прежде всего, интересов самого больного.

Право познать собственную смерть

Сегодня избегаются всякие разговоры о смерти; это слово как бы всегда ставят в

кавычки. Но почему? Да потому, что смерть неудобна, это всегда трагедия, а все трагическое отрицается, поскольку отвлекает нас от наших привычных хлопот. Мир живых всегда занят, всегда охотится за "занятостью" и развлечениями. Поэтому отрицается все, что превышает самого человека, и замалчиваются даже страсти и смерть Христа. Современное общество является антитрагическим по своей сути, отрицает всякую неизбежность во имя планирования, не хочет больше "разбиваться о наивысшее" (Nietzsche), предпочитает обходить препятствия.

Но смерть является важнейшим моментом, который дает смысл всей жизни. Когда она приходит, то как бы возвращает умирающего самому себе, приводит к встрече с самим собой. Существует право "познать собственную смерть". Последний этап жизни не лишен, сам по себе, смысла - скорее наоборот. Он может быть наполнен неожиданным познанием сущности братства, принести с собой момент прощения, примирения с самим собой, с другими, с собственной жизнью, с Богом.

Д. Бог является властелином жизни

Перенесем теперь нашу дискуссию с гуманистического уровня на уровень самой жизни. Божья заповедь "не убий" не знает "смягчающих обстоятельств" (проблемы смертной казни, самозащиты и справедливой войны являются отдельным вопросом, поскольку включают в себя понятия справедливости и общественного блага, обязанность защищать свою жизнь от агрессии). Значит, эвтаназия является прямым нарушением Божьего закона.

У Бога есть план в отношении каждого человека, он выражается в понятии Божественного Провидения. Если человек вторгается в этот план, хочет присвоить себе роль Бога, то тем самым он посягает на Его власть. Эвтаназия является прямым посягательством на понятие всего святого, она оскверняет и жизнь, и смерть, отвергает самого Бога. Жизнь христианина по своей сути есть жизнь сына, который принимает все, что посылает ему Отец. Для христиан смерть такова, какой ее посылает им Бог, в тот момент и таким образом, как это Ему угодно.

Е. Бесмысленны ли страдания?

"Декларация об эвтаназии" заявляет, что "бесмысленное страдание является злом". Здесь идет речь о наиболее сильном аргументе в пользу эвтаназии, если исходить из атеистической и материалистической перспективы, или точки зрения современного секуляризма. Если человек никому не обязан своей жизнью - значит, он является ее полным хозяином и может сам решать проблему своей смерти. Если наибольшим его идеалом является благосостояние в этом мире, если единственный смысл его жизни - это хорошее здоровье, красота, сила, легкое будущее, - тогда, действительно, жизнь полна трудностей, а без надежды на выздоровление оказывается "пустой" и не стоит того, чтобы ее прожить до конца.

Значит, "стоящей" жизнью живет лишь тот, кто молод, здоров, красив, счастлив, умен и нужен обществу. Потому существует и жизнь, "не имеющая никакой ценности", и логичным становится уничтожение инвалидов, тяжело и неизлечимо больных. Таковой была точка зрения Платона, нацистов, и такова политика руководителей стран тоталитарных режимов, где государство имеет право принимать решение о ликвидации "ненужных ртов". Столетия христианства на Западе еще сохранили у людей чувство отвращения перед такими идеологиями.

Христианский взгляд на человеческую жизнь, какой бы она ни была, отвергает подобные мнения. Христианин знает, что не бывает бесмысленных страданий. Хотя сами по себе они и являются злом, но Бог может превратить это зло во благо, потому что абсолютного зла не существует. С болью и страданиями, которые суть последствия греха, нужно бороться, но и они были искуплены Христом. Он не только обожествил, освятил страсти, но, умирая, освятил и саму смерть: изменил ее смысл, превратив ее из последствия греха в инструмент спасения. Тот, кто терпит страдания, может соединить свои страсти с Христовыми. В страданиях невинного, в последней его агонии и смерти воспроизводится образ и таинство Христа.

Учение церкви об эвтаназии

А. Осуждение эвтаназии

Церковь полностью осуждает эвтаназию. Декларация Конгрегации Вероучения 1980 года заявляет: "Совершенно необходимо объявить со всей решительностью, что ничто и никто не может разрешить убийство невинного человека, будь он эмбрионом или плодом, или ребенком, или взрослым, или пожилым, неизлечимо больным, или умирающим. Кроме того, никто не может требовать совершить такое убийство ни в отношении самого себя, ни в отношении кого-либо другого, находящегося под его ответственностью, не может также согласиться на это ни прямым, ни косвенным образом" (№ 2). Таким образом, осуждение касается всякого посягательства на человеческую жизнь - как аборт, так и эвтаназии.

Текст Декларации обращается к рациональному и универсальному основанию права на защиту человеческой жизни. Декларация не начинает полемики против эвтаназии исключительно с позиций веры, как если бы защита жизни больных и умирающих была делом исключительно христиан. Жизнь является наивысшей ценностью для всех, кто руководствуется здравым смыслом и ищет объективную истину.

Б. Разумное использование лечебных средств

Мы обязаны обеспечить достойную смерть каждому человеку, как неверующему, так и христианину. Выражение "умереть с достоинством", которым злоупотребляют борцы за эвтаназию для того, чтобы "из жалости" прикрыть убийство привлекательной упаковкой, само по себе указывает на моральный долг общества. Конечно, большинство людей умирает спокойно, но бывают случаи, когда самой смерти предшествует невыносимая боль, которая отнимает у больного его свободу и разрушает его как физически, так и морально.

Об этом говорит уже упомянутая Декларация: "Сегодня чрезвычайно важно оградить как личное достоинство человека, особенно в момент его смерти, так и христианское воззрение на жизнь от всякого рода техницизма, которым часто откровенно злоупотребляют. На самом деле многие говорят о понятии "права на смерть", которое не означает права убивать или права на самоубийство, но право спокойно умереть со всем человеческим и христианским достоинством" (№ 4).

Декларация устанавливает различие между "разумными (пропорциональными) средствами" и "неразумными" (непропорциональными). Этот документ дает очень полезные критерии для их различения: "Всегда правильным и законным является использование обычных способов лечения, которыми располагает сегодняшняя медицина. Но ни в коем случае нельзя заставить кого-либо проводить такой тип лечения, который, хотя и является на сегодняшний день технически возможным, но сам в себе несет определенную долю неоправданного риска или является чрезмерно трудным...". "Пред лицом близкого и неминуемого наступления смерти, когда исчерпаны все возможности медицины, дозволено по совести принять решение об прекращении такого вида помощи, который бы продлил жизнь в этих необратимых и мучительных условиях лишь на очень короткий срок; но нельзя приостановить проведение обычного вида лечения, прописываемого всем больным в подобных случаях".

Здесь необходимо уточнить, что "обычным видом" лечения является питание, гидратация, удаление бронхиальной секреции, внешнее лечение ран, пролежней или кожных инфекций.

В. Отказ от искусственного поддержания жизни

Отказ от искусственного поддержания жизни, о котором идет речь в последней части Декларации, вынуждает уточнить критерии смерти и ее констатации:

-в случае наличия малейшего шанса на выход из коматозного состояния необходимо использовать все возможные методы для того, чтобы поддержать жизнь пациента, поскольку дело спасения человеческой жизни стоит любых усилий. Это особенно важно тогда, когда больной не способен самостоятельно высказать своего согласия;

-если коматозное состояние является необратимым и безысходным, то не обязательно использовать мучительные и дорогостоящие методы как материального, так и личного характера, поскольку все это лишь продлило бы агонию без какой-либо надежды на то, что больной придет в сознание. Но обязательным является оказание обычного лечения (особенно гидратация и парентеральное питание). Следует отметить, что определение необратимости и

безнадежности на возвращение к сознанию всегда является одним из наиболее сложных и сомнительных. Искусственное поддержание жизни при полном отсутствии мозговой деятельности, прямой ЭЭГ, отсутствии рефлексов, дыхания и сердцебиения было бы надругательством над умершим и его смертью и тяжелым ударом для родственников покойного.

Г. Использование болеутоляющих средств

В энциклике Папы Пия XII, подтвержденном Декларацией Конгрегации Вероучения, признается законным использование анальгетиков, даже если это - в случае смертельной болезни - может привести к сокращению жизни, но при условии отсутствия иного способа утолить боль. Допустимым является даже использование обезболивающих средств, которые притупляют сознание или лишают его, - при условии, что больной имел прежде возможность исполнить свои обязанности по отношению к семье, свой моральный и религиозный долг; но нельзя лишать умирающего сознания без достаточно веской на то причины. Применение анальгетиков возможно лишь при согласии умирающего. Он может также отказаться от них, если желает придать своей боли полное значение "причастия страстям Христовым" и "соединения с Его спасительной жертвой" в знак полного предания себя воле Отца.

Совершенно недопустимым является использование анальгетиков в огромных дозах для того, чтобы под прикрытием обезболивания произвести настоящую эвтаназию.

Вывод: сопровождать жизнь до самой смерти

Все вышесказанное о законном и незаконном является совершенно правильным, но недостаточным в современном споре об эвтаназии. Настоящим ответом сторонникам эвтаназии является поддержка умирающего больного и помощь ему, сопровождение его в эти последние моменты жизни. Это настоящий христианский ответ, пред которым умолкают всякие возражения, если нет намерения высмеять саму любовь, терпеливость, профессионализм тех, кто посвятил себя этому служению умирающим, или, точнее, сопровождению живых на их пути к смерти: "сопровождать жизнь до самой смерти".

В медицинском плане утолить боль возможно всегда. Развитие анальгетической фармакологии, лучшее понимание эффектов анальгезии и оптимальных условий ее использования способствуют тому, что сегодняшний врач более оснащен в этом плане. Часто боль, "стойкая к обезболиванию", возникает вследствие изначально неправильного болеутоления и недостаточной дозировки. Это может привести к возобновлению боли еще до ее утоления. Сегодня нам известно, что регулярное употребление препаратов опиоидным путем и приспособление их к интенсивности и характеру боли может избавить от появления болевой депрессии, которая увеличивает чувствительность и страдания больного. Часто является возможным получить болеутоляющий эффект с сохранением ясного сознания больного, не вызывая у него наркотической зависимости (чего так опасались врачи в прошлом).

Утолить боль фармакологическим методом возможно, но одного этого недостаточно. Драма раковых больных, как и большинства пациентов, находящихся в терминальном состоянии, носит, в основном, психологический характер: они чувствуют себя покинутыми не только врачом, а, часто, даже и родственниками. И как раз в такой момент приходит мысль об эвтаназии, просьба о которой, по своей сути, есть крик о помощи. Значит, очень важно по-человечески поддержать больного, создать вокруг него атмосферу доверия и внимания, в которой он может "спокойно умереть".

Нельзя говорить об этой проблеме, не упомянув о "Движении приютов" врача Cicely Saunders из St.-Christopher's Hospice, организованного ею в Лондоне для того, чтобы ухаживать за умирающими от туберкулеза и рака (1967). Сегодня это движение имеет многих последователей в целом мире, среди которых, в первую очередь, нужно отметить St.-Victoria Hospital в Монреале и служение врача Sebag-Lanoe из клиники Paul-Brousse в Villejuif, которые являются образцом ухода за пожилыми людьми вплоть до их смерти. В этих центрах врач, в основном, не борется за жизнь, но облегчает страдания. Результат тридцатилетней работы этих центров исключительно позитивен: если наша цивилизация способна к достойному отношению к смерти, она будет способна и к достойному отношению к жизни и любви.